

Л.А. ШЕСТАК
(Волгоград)

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ: МЕХАНИЗМЫ ПОНИМАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ

Рассматриваются механизм понимания прецедентного текста и пределы его варьированности при вербализации с точки зрения когнитивной теории текста.

Ключевые слова: *прецедентный текст, языковая вариативность, фрейм, слот.*

Прецедентный текст как текст хрестоматийный, обязательный для данного социума [1; 2], является мощным средством экономии речевых усилий, поскольку в своей цитатной форме выступает во вторичной функции экфории – восстановления целого по части, детали [5, с. 49], а также дополнительного воздействия фоном, историей создания, временем, подтвердившим или спародировавшим его идеи: *В волчьих глазах ночи, в сполохах пламени, как эхо, kloкотал и бился неподвластный времени и законам РУССКИЙ БУНТ* (Век XX и мир. 1990. № 8); *Если вернуться к политическим играм, к ЯРМАРКЕ ТЩЕСЛАВИЯ, то сравнения уместны...* (Сегодня. 04.03.1998). Часто тексты представляют собой **контаминированный** тип прямого и метафорического значения или прямого, метафорического и прецедентного текста одной темы: *Ах, РЕЛЬСЫ, РЕЛЬСЫ... Первыми пали снова СТРЕЛОЧНИКИ. Все... Алло, — прорывается сквозь треск и голоса чей-то сдавленный крик, — пособи простому человеку хоть раз, стрелочник я... Звонили из Новосибирска. Там подсуеутили и к отчету правительства сняли с работы директора Новосибирского СТРЕЛОЧНОГО завода... На место снятого директора посадили бывшего директора РЕЛЬСОПРОКАТНОГО завода. Этот, я так думаю, сумеет СПРЯМИТЬ. Но, с другой стороны, без СТРЕЛОК лишний раз НА РЕЛЬСЫ НЕ ЛЯЖЕШЬ – может и не ОБЪЕХАТЬ* (НГ. 04.03.1998).

Когнитивной основой хранения и воспроизведения **прецедентных текстов** являются **механизмы апперцепции** – сохранения следов прошлого опыта в виде знаний индивида [Там же, с. 122], лингвокреативного мышления, обеспечивающего «выводное знание» [4, с. 451] из логических причинно-следственных, условно-следственных, временных конструкций (*направить корабль на скалы* – следовательно, «каузировать катастрофу»; *еще не вечер* «еще есть время» – следовательно, «есть шанс успеть, изменить ситуацию»), и механизм **перцепции** и **отождествления разнородных явлений**, «одновременного видения двух картин», т. е. метафоризации, переносов в широком смысле слова. Прецедентный текст, хранящийся в тезаурусе (ментальной картине мира человека) в свернутом виде фрейма или **слота** (ситуация, качества героя, сформулированная в тексте максима), актуализируется частичным или даже аллюзийным его воспроизведением. **Актуализация** прецедентного текста многомерна и гетерогенна в информационном отношении. Актуализируется не только текст, весь (идея) или частично (черты характера, установки героя). Актуализируется информационный фон горизонтального и вертикального контекста: исторический контекст создания произведения, литературное направление, в рамках которого создан текст, аналогичные темы и «сквозные» герои литературы («История одного города» Салтыкова-Щедрина; «История села Горюхина» Пушкина, *Горелово, Неелово, Неурожайка* Некрасова; маленький человек Пушкина, Гоголя, Достоевского, Чехова; *отцы и дети* у А. Островского, Тургенева, Горького; *униженные и оскорбленные* Достоевского и Гюго). Наконец, актуализируется фактор времени, прошедшего после создания текста и реинтерпретировавшего текст новыми читателями, ситуацией, цивилизационным знанием.

В структурном отношении прецедентный текст воспроизводится как линейная последовательность с прямым порядком слов (воспроизводимо и устойчиво) с синтагматическими заменами в рамках семантического сдвига [3, с. 95, 125] «вид – вид»: *новый русский – старый русский, старый русский – старый татарин*. Содержательно прецедентный текст представлен как прототипическое обобщение высказываний (паремий, максим, крылатых слов), в линейном плане – как прерывистая, пунктирная **последовательность концептуальных узлов** и их **значимых деталей**: «Старый РУССКИЙ ЗАГА-

ДОЧНО улыбался, *ЛЕЖА* на *ПЕЧИ*. Старый американец скакал на лошади и палил из пистолета. Старый цыган воровал лошадь, на которой скакал старый американец. Старый африканский *НЕГР* зубрил русскую грамматику. Старый *ТУНГУС* нашел в лесу *МЕТЕОРИТ*. Старый *КАЛМЫК* читал *ПУШКИНА*. Старый египтянин впадал в детство и собирал пирамидку. Старый *ТАТАРИН* собирался в гости. Старый бразилец стирал футбольные трусы. Старый кореец вот уже сорок шесть лет управлял своей страной. Старый француз рассматривал *СЕДИНУ В БОРОДЕ* и цупал *РЕБРО*. И только молодежь вечно не знает, чем заняться» (Исаков Ю. Старые народы) [7, с. 299]. Представленные здесь прецедентные тексты неоднородны: фольклорный и философский (*загадка русской души*); историко-страноведческий и культурологический об американце; стереотипно-психологический, исторический и культурологический о цыгане; собственно литературный текст *Да будь я и негром преклонных годов, и то, без унынья и лени, я русский бы выучил...* (В. Маяковский); научно-страноведческий, где имя (*тунгусский метеорит*) развернуто в текст; собственно литературный *назовет меня.. и друг степей калмык* (А. Пушкин); историко-культурологический текст – развернутое имя (*египетские пирамиды*); фольклорно-паремийный текст *Незванный гость хуже татарина*; страноведческий текст – развернутое имя (*бразильский футбол*); историко-политические сведения о главе Северокорейского государства; фольклорно-культурологический текст *Седина в бороде – бес в ребро* и фоновые знания о французах как непревзойденных ловеласах.

Поверхностный синтаксис при этом незначим: предикатные конструкции заданы «сверхтекстом», а потому нарративны. В качестве «коллажа» тексты могут быть представлены номинативно: *Русский на печи*; *Египтянин с пирамидкой*; *Калмык с томиком Пушкина*. Незначимо и морфологическое оформление: *загадочно улыбался, или почему-то улыбался, и в этом была загадка, или даже почему-то лежал, и в этом была загадка*. **Морфологическая** форма, обрамляющая концептуально значимые детали, организована по принципу межсхемной, межуровневой и деривационной парадигмы предложения, лексической и синтаксической деривации (*улыбался, лежа – лежал и улыбался, тунгус – тунгусский*), **лексическая** форма – по принципу тезаурусных включений и синонимических замен (*пирамида – пирамидка, тайга – лес, кореец – северокореец, язык – грамматика, учить – зубрить*). Таким образом, «считывание» прецедентного текста осуществляется как считывание смысла ‘русский немоделируем и бездеятелен’, ‘пирамиды – туристическая марка Египта’, ‘Бразилия – мировой футбольный лидер’, ‘лидер Северной Кореи бессменен’ в пределах синтаксического, морфологического, словообразовательного и лексического варьирования окружения опорных, ключевых слов: *старый* («преклонных годов») *НЕГР* *зубрил* («выучил») *русскую грамматику* («русский»); *ТАТАРИН* («хуже татарина») *собирался в гости* («незванный гость», т. е. по принципу **языковой вариативности семантического инварианта** текста. Очевидно, пределом варьированности прецедентного текста должно быть его слияние с ментальным образом-смыслом: ‘русский непонятен и неактивен’, ‘француз – донжуан’. Так выделением 2-3 **компонентов-регистров** осуществляется многомерное информационное включение темы, идеи, места и времени, оценок и целей, т. е. тематически и ассоциативно сцепленных между собой фрагментов картины мира.

Итак, в случае прецедентности текст, воспроизводящий фрейм, достраивается по узнаваемому слоту: породистый завиток на шее как слот «Анны Карениной». В лингвистическом отношении воспроизведение прецедентного текста по детали является объемным, «голограммным» достраиванием по уникальному имени актанта, атрибута или сирконстанта: *топор* как орудие убийства в романе Ф. Достоевского; *тяжелые, нежные лапы* □ атрибут коллективного лирического героя «Скифов» А. Блока; *остров пингвинов* как имя локуса романа А. Франса; встреча у *фонтана* как сирконстант трагедии А. Пушкина «Борис Годунов».

Являясь в целом отражением тенденции к экономии усилий, в составе заголовков прессы прецедентный текст выполняет, кроме информативной, и аттрактивную, воздействующую функцию: *ВЕЛИКАРОССИЯ, А ВЫБИРАТЬ НЕКОГО*. *Сегодня у Путина нет конкурентов*; *40 лет одиночества* (Русский NW № 37, 2009); *Гонка футбольных вооружений* (НГ № 7, 02.02.2004); *Хлам наш насыщенный* (Русский NW № 36,

2009); *Шумеллатыш* (Русский NW №36, 2009); *Русский бунт – осмысленный и милосердный. Это главное достижение латвийской демократии* (НГ № 22, 01.04.2004); *Нужен нам берег турецкий* (Русский NW № 36, 2009); *«А в попугаях длиннее!»* (Профиль № 29, 2008); *Вы еще не дебилы? Тогда мы идем к вам!* (НГ № 25, 12.04.2004); *Многие телеведущие привнесли на экран лексикон улицы, которому позавидовала бы и Эллочка-людоедка. Не задумываясь о последствиях, они стали плодить еще больше «словесных недо-рослей» в жизни* (Правда. 09.09.1992). Но в целом механизмы понимания и трансляции прецедентного текста изоморфны: актуализация уникального слота или фрейма в целом (*Нужен нам БЕРЕГ ТУРЕЦКИЙ; ВЕЛИКА РОССИЯ, а выбирать некого. Сегодня у Путина нет конкурентов*), вариативность вербализации (*40 лет одиночества; ВЫ ЕЩЕ НЕ ДЕБИЛЫ? Тогда мы идем к вам!*), ассоциативный ореол (*Если партии не станут оппозицией, оппозиция придет с улицы, т. е. ПРИДЕТ ЛЕСНИК И ВЫГОНИТ ВСЕХ* (ТВ. 13.02.1992)).

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М: Наука, 1987.
2. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество: Сб. ст.: К 70-летию В.П. Григорьева / РАН; Ин-т рус. яз. М., 1996. С. 297–303.
3. Лапшина М.Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1996.
4. Рассел Б. Человеческое познание: Его сферы и границы / Пер. с англ. Н.В. Воробьева. Киев: Ника-центр, Вист-С, 1997.
5. Рубакин Н. А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиологическую психологию / Н.А. Рубакин; Вступ. ст. Ю.А. Сорокина. М.: Книга, 1977.
6. Слышкин Г.Г. Функционирование концептов прецедентных феноменов в коммуникации // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире 2: сб. статей/ отв. ред. Г.Г. Слышкин. Т.2. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. С. 28-32.
7. Язык как творчество: Сб. ст. к 70-летию В.П. Григорьева / Ин-т рус. яз. РАН. М.: ИРЯ РАН, 1996.

Precedent text: mechanisms of comprehension and translation

There is considered the mechanism of comprehension of a precedent text and the limits of its verbalization variability from the point of the cognitive theory of the text.

Key words: *precedent text, language variability, frame, slot.*